

«Глубокоуважаемая Лидочка!»

Переписка отца и дочери

Олег Клинг

Корней Чуковский, Лидия Чуковская. Переписка: 1912–1969 / Вступ. статья С.А. Лурье, коммент. и подгот. текста Е.Ц. Чуковской, Ж.О. Хавкиной. – М.: Новое литературное обозрение. 2003, 592 с.

Пути эти – отца и дочери – как правило, лишь вначале, по общему природному свойству, соприкасаются. Затем резко разбегаются. Особенно если оба – натуры незаурядные и страстные, утверждающие себя в одной, наследованной от отца сфере – писательской. Не так сложились взаимоотношения человека-легенды XX века Корнея Чуковского и его дочери Лидии Чуковской, личности не менее яркой, чем ее отец, но и отличающейся от него. Главное – своей несгибаемостью. Для замешанного на компромиссах как на дрожжах все еще дышащего нам в затылок XX столетия это дар неудобный. Почти губительный. Во многом именно потому масштаб личности Чуковской – автора ныне ставшей классикой, но ждавшей около полувека выхода в свет повести «Софья Петровна» (1939), ав-

тора вышедших сначала в «тамиздате» (в Париже) и лишь позднее в России «Записок об Анне Ахматовой», наконец, активной участницы диссидентского движения – лишь недавно стал понятен. Это тоже человек-эпоха.

Переписка отца и дочери позволяет увидеть не только глубину личности Лидии Чуковской, но и много нового в самом К.И. Чуковском, даже по сравнению с одним из бестселлеров конца XX века – его дневниками, раскрывшими драму писателя, сознательно ушедшего, по его собственному признанию, в тень. «...Быть заметным – было очень опасно» – запись Чуковского в дневнике за 1963 год.

Первое письмо к дочери датировано 1912 годом – адресу пяти лет. Начинается оно обращением: «Глубокоуважаемая Лидочка!». Здесь и игра во взрослость и стоящее очень многого доверие к личности. «Дорогая Лида» – такими словами начинается предсмертное письмо 1969 года отца к дочери, где уже не авансы, а проверенное временем уважение. В первом и последнем письмах к дочери – еще и ничем не скрываемая, щедрая любовь.

А между двумя этими посланиями – полная непредсказуемых поворотов история не только отца и дочери, но и эпохи. «Пока у нас есть хлеб и картошка, но скоро и этого не будет», – пишет в июле 1921 г. Л. Чуковская отцу. Продукты, пайки, хлеб, мука – устойчивая тема дневников, прозы, писем той поры. Но рядом же и другое: «Привези чернил и бумаги. Я даже дневника не могу писать». Это тоже черта эпохи – все пишут. Но сколько самоиронии, юмора и блеска в этих «голодных» письмах.

Не все так идиллически: «...мама мучила меня так, как вряд ли меня мучили бы в ГПУ», – пишет в 1925 г. Чуковская отцу, легкомысленно, как и полагается в молодости, играя словами «арест», «ужас перед арестом». Но опасения родителей («Нам мерещатся всякие ужасы», – пишет К. Чуковский в 1926 г.) вскоре оправдались. Через несколько дней Л. Чуковскую арестовали. Тюрьма. Последующие письма родителям отправлены уже из места ссылки – Саратова.

Деньги, деньги, целый золотой дождь – и ни строчки. За деньги спасибо, но где же письмо?» – пишет Чуковская отцу осенью 1935 г.

«До самого Тридцать Седьмого она принимает реальность как настоящую жизнь...» – констатирует в предисловии к «Переписке» С.А. Лурье. Но в тот год все меняется. 29 сентября 1937 г. она сочиняет, казалось бы, ничем не примечательное письмо: «...Люшу сейчас необходимо увезти из Ленинграда. По-

стоянию она на время уезжает из Ленинграда. Опять же только в 1990-е годы стала известна запись о Чуковской из архива НКВД: «Арест оформляется» (см. комментарий в книге). Дочь ершится, грозит вернуться в Ленинград, чтобы «все узнать», понятно, о судьбе мужа. Пишет Чуковскому: «Незачем самой устраивать себе тюрьму – выдуманную тюрьму. Пусть уж будет настоящая». Но судьба ее шадит.

Следующая глава из эпистолярного романа – война.

Лидия Чуковская не только в кругу семьи, но и для общественного сознания стала человеком, который определяет нравственные ориентиры

Правда, через год Чуковская снова в Ленинграде. И снова как будто идиллия – впереди любовь, рождение дочери – Люши, Елены Цезаревны Чуковской. Правда, в 1934 году Чуковская ушла от Цезаря Вольпе (это фиксируется в письме к отцу). Но впереди новая встреча – с молодым физиком М.П. Бронштейном. Много работы, замыслов. Помощь отцу в его издательских делах – бесконечные вычитки его детских книг. Летом 1935 г. Чуковская пишет отцу из Сестрорецка: «...дачный рай. Мамаши поют «Тот, кто с песней по жизни шагает» и «Вставай, кудрявая»... а радио передает последнее постановление о том, что все мужья должны быть верны своим женам и жены мужьям». Даже с деньгами все устраивается. «Ты ведешь себя не как отец, а как дядюшка, да еще американ-

скому – объясню при свидании». Это эзопов язык: арестован М.П. Бронштейн. В любой день могут арестовать и ее, а дочь отправить в детдом. «...Мити в Ленинграде уже нет» – в этих обычных словах страшный смысл. Тогда Чуковскую уверяли, что мужа отправили по этапу, только в 1990-е годы стало известно: к тому времени он уже был расстрелян. Так начинается страшный «текст жизни», который через два года реализуется в не менее страшный «текст искусства» – повесть «Софья Петровна». Но избави нас Господь от подобного слияния искусства и жизни. Когда в начале XX века русские символисты мечтали о таком синтезе, даже они не подозревали, что на этом пути ожидает миллионы людей.

В этой опасной ситуации отец спасает дочь. По его на-

Кульминация книги – переписка 1960-х годов. Это ценнейший документ для изучения эпохи. Здесь и Ахматова, и дело Иосифа Бродского, и хроника писательской жизни с приметами того времени – коллективными письмами в защиту гонимых. Л. Чуковская не только в кругу семьи, но и для общественного сознания стала человеком, который определяет нравственные ориентиры.

Переписка с отцом – своеобразное дополнение к «Запискам об Анне Ахматовой». Чего стоит одна догадка Чуковской: «АА всем всегда направо и налево говорила, что у нее никогда не было романа с Блоком. Я все думала (просто по стихам), что она была в него влюблена». В «Записки...» такое не включишь. А жанр письма, свободный, вбирает в себя жизнь во всех ее проявлениях. ■

Чуковская-Бронштейн Корней

10.07.03

HT Exhibits (прим. к Незабываемой). - 2003. - 10 июля. - с. 6